

Проблемы на голом месте не растут. Они или есть, или их выдумывают

НАША СПРАВКА. Валерий Александрович Копейкин в 1962 году закончил Криворожский горнорудный институт, горный инженер-геолог, в 1967-м — Казанский химико-технологический институт, инженер, химик-технолог.

1971 г. — кандидатская диссертация на тему «Кремнистые породы Среднего Поволжья [диатомиты, опоки, трепелы], их химико-минералогический состав, генезис и физические свойства».

1984 г. — докторская диссертация на тему «Физико-химическая модель латеритного процесса» [условия образования бокситов].

— Чем вы будете заниматься в зоне отчуждения в ближайшее время?

— Если меня за это интервью и за другие подобные «грехи» не выгонят из зоны, то сейчас главный мой интерес — «саркофаг». Нужно проверить, какая под ним вода и есть ли в ней растворенный плутоний? Попытаемся осуществить мероприятия по очистке таких сильно загрязненных вод, поскольку за эти годы мы наработали несколько составов, которые позволяют перевести нуклид в нерастворимую фазу. Будем заниматься прогнозом миграции радионуклидов из районов «саркофага». Пока своих данных по этой воде у меня нет. Но факт миграции плутония по древесине всего лишь спустя семь (!) лет после аварии (при периоде полураспада 24 тыс. лет) сводит, как видим, все прогнозы на нет.

Недавно под руководством бывшего «НИЗО» (Киев) началось бурение скважин для изучения грунтов под строительство «Укрытия-2» — второго «саркофага». Однако на сегодняшний день работы приостановлены, поскольку такие мероприятия должны производиться только в присутствии профессионального инженера-геолога.

К сожалению, классных специалистов, похоже, в Чернобыле уже не заманишь. И зачем им, спрашивается, сюда ехать, подвергать риску свое здоровье, если в России они могут получать гораздо больше, чем здесь; жить в нормальных условиях, работать в чистых местах? Ведь ушел же бывший директор ЧАЭС Н. А. Сорокин. А каким он был патриотом ЧАЭС! Осталось лишь несколько десятков «последних из могикан». Это уникальные специалисты, которые «добывают» дело, за которое однажды взяли — чернобыльский семи-восьмилетний опыт ничем не заменишь. Назову хотя бы Алексея Андреевича Бицкова — того, кого в «капсуле» спустили внутрь реактора для определения технологии строительства «Укрытия-1», кто был почти на всех атомных авариях; Эдуарда Амираловича Тиханова — профессионального физика, работающего в зоне восьмой год; Константина Павловича Чечерова, думаю, что лучше него современное состояние четвертого блока не знает никто. Могу назвать еще десяток профессионалов, которые в зоне отчуждения с первых дней Чернобыльской катастрофы. Но это ведь все «иностранцы». К слову, с этих «иностранцев» — ликвидаторов 1986 — 1987 годов — в Украине удерживают подоходный налог как с обычных смертных. Им не выдано удостоверения участников ЛПА украинского образца, а удостоверения бывшего СССР не считаются действительными — других у

нас нет. Однажды в Киеве меня опрафовали в трамвае — экий наглец, едет с фальшивыми документами. Мы не пользуемся по Закону Украины никакими льготами, хотя какая разница, кто работал в те годы, русский, казах, татарин или украинец? Все были в одних условиях, все защищали родину, а родиной-то была Украина. И вот такая от нее благодарность.

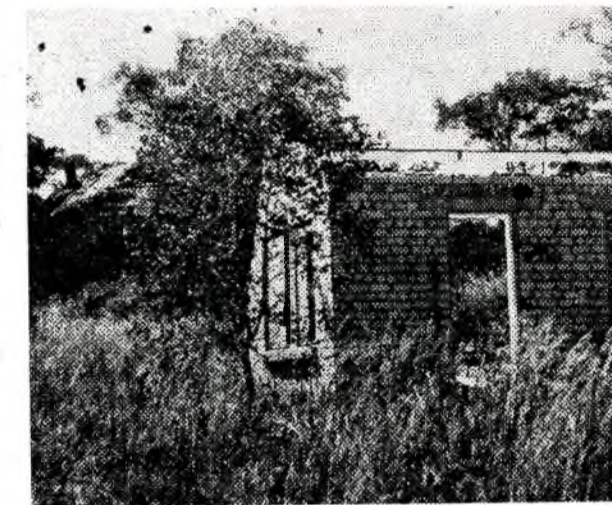
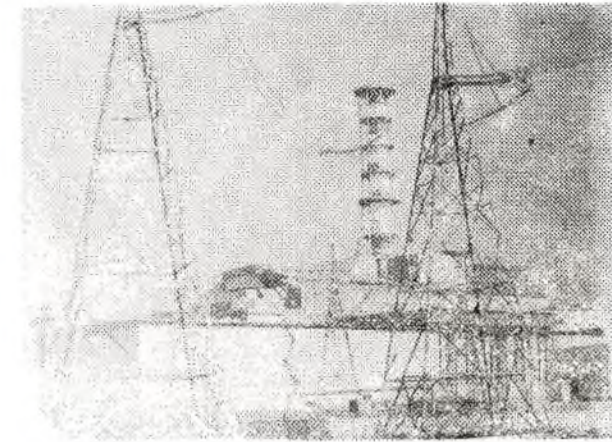
Положение с «иностранцами» специалистами нормальное, это позор для молодого самостоятельного государства, фактическая дискриминация — в свободном государстве должна быть равная оплата за равный труд.

— Наверное, вы перечислили тех, кто не позволил бы себе выпадов в ваш адрес?

— Мусульмане говорят: собаки лают, а караван идет. Многих из моих оппонентов как ученых я просто не знаю. Да, чиновник, да, какой-нибудь зав. отделом Минчернобыля — но не ученые, там таких и нет.

— Видимо, вы имеете в виду количество монографий, статей в научных изданиях тех, кого вы считаете своими оппонентами, и кто не успел защитить кандидатскую или докторскую диссертацию? Но многие из исследователей, которые работают в Чернобыле и кого я лично знаю, сетуют, что у них попросту нет времени защищаться, что недостаточна материальная база написания полноценного труда.

— Степень тут ни при чем. Думаю, что они сами виноваты, что так тянут с защитой. Здесь каждый материал, над которым работают хотя бы несколько лет, может «потянуть» на степень, тем более на кандидатскую. Ведь что такое кандидатская диссертация? Это публичное доказательство квалификации научного сотрудника. Потом, не обязательно сидеть над одной рукописью, достаточно чаще публиковаться в научных изданиях. Но печатать свои работы, а то откроешь почти любой «чернобыльский» сборник, и самостоятельные статьи редко встретишь. Чаще коллектив авторов во главе с «патроном». И этот «патрон» специалист по всем вопросам: и тут он автор, и там, и сям. Когда же дело доходит до защиты, то тогда нужно доказывать свое личное автор-



На фото Георгия ОСТАПЕНКО: Чернобыльская АЭС; «целинные» земли 30-км зоны.

ство, брать у своих соавторов согласие, что это твоё, не чужое. Тут-то и случаются всякие недоразумения.

Но защиты идут. Вот Николай Павлович Архипов, директор НТЦ НПО «Припять», по совокупности работ моментально защитил в этом году докторскую диссертацию в России. Хотя, если откровенно, он бы мог защитить ее давно, лет 20 — 25 назад. Это высококлассный специалист, с громадным опытом, с именем в научном мире. Приехал в Чернобыль из Челябинска, с Восточно-уральского радиоактивного следа.

Нужно держать, добиваться имени и авторитета пока молод, полон сил и здорового честолюбия.

— Уже не первый год поднимается вопрос: а соответствуют ли те дозы облучения у ликвидаторов, которые записываются в их личные карточки, с теми реальными дозами, получаемыми, работая в зоне отчуждения?

— Думаю, нет. Например, у меня за семь лет 74 командировки в зону отчуждения, большую часть времени провожу на загрязненных участках, в ближней зоне ЧАЭС. А записано — около 6 бэр. Значит, не та диагностика, не те приборы, но главное — не тот подход. Все, что мы получаем, наш накопитель, который мы сдаем

в дозконтроль, не фиксирует. И основная ошибка состоит в том, что не фиксируется доза внутреннего облучения. Согласитесь, после восьми лет ликвидации последствий чернобыльской аварии пора уже дать рекомендации по подсчету дозы внутреннего облучения. В УДК НПО «Припять» есть специалисты в этой области, например, кандидат физико-математических наук А. К. Сухоручкин. Подозреваю, что при правильном исчислении получается такая доза, что о ней предпочитают умалчивать.

Можно говорить, что, мол, какие-то дозы не опасны, не смертельны. Но не у всех же организм одинаков. Для одних и сотня рентген ерунда, для других же первые бэры могут стать роковыми. Вы ведь знаете, сколько уже умерло ликвидаторов. Приедешь в зону на вахту, только и слышишь, тот умер, тот, и все люди не старые, им бы жить да жить.

Я когда-то в беседе с вами уже говорил о проблеме химического отравления ликвидаторов. Вы еще опубликовали то интервью в «Вестнике Чернобыля». Снова хочу вернуться к свинцу. В первые дни бо ббы с аварией в реакторе было сброшено 2400 тонн свинца. От взаимодействия с высокими температурами он испарился,

то есть какое-то время находился в парообразном состоянии вне пределов реактора, и люди им дышали, получая комплексное радиационно-химическое отравление. А «лепесток» ведь пары не держит, он задерживает только пыль.

У нас, в Казани, есть один ранее закрытый химический институт — теперь открытый, — работавший на военные нужды — создавая защитные средства против боевых отравляющих веществ. По данным заместителя директора этого института, доктора технических наук, профессора Г. Г. Жилиева (он был в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС в мае — июле 1986 г.) среди умерших ликвидаторов имеются диагнозы с типичным свинцовым отравлением. Скажите, в каких отчетах это можно прочесть? То есть, говоря дипломатично, не все фиксируется и документируется до сих пор, и не все записанное соответствует действительности.

— Наверное, есть смысл подытожить все сказанное.

— Основная причина неприятия америция-241, думаю, состоит в том, что в Украине сейчас (во всяком случае при Л. М. Кравчуке) господствует идея развития своего единого ядерного цикла и именно поэтому расширение данных о негативных последствиях Чернобыльской катастрофы неприемлемо.

В заключение я хотел бы предложить своим оппонентам, особенно тем, кто в старые, доперестроечные времена, ухитрился устроиться экспертами МАГАТЭ, привести в «Вестнике Чернобыля» сравнительную таблицу норм радиационной безопасности у нас и у ведущих атомных держав. И пора уже наконец сказать, какая же доля хотя бы в зоне отчуждения получается ликвидаторами за счет внешнего облучения, и какая за счет внутреннего. И где наконец НРБ-93?

Самое же безобразное во всей этой ненужной трескотне об америции состоит в том, что все «обсуждения» как по самой «проблеме» америция, так и моем выступлении в Комиссии по проблемам Чернобыльской катастрофы Верховного Совета Украины, и в НАН Украины, и в Минчернобыле, и в других инстанциях велись за моей спиной, в отсутствие «обвиняемого», хотя организаторам этих проработок прекрасно известно, что я ежемесячно бываю в зоне на вахте.

А ведь правда лежит на поверхности и при нормальной дискуссии на той же декабрьской прошлого года пресс-конференции все недоразумения можно было утрясти. Надо только было уважить свой парламент и не игнорировать приглашение поучаствовать в его работе. Удивительно, что на пресс-конференции не было ни одного представителя ни от Минчернобыля, ни от Академии наук.

И главное, каждый ученый имеет право высказать свое мнение, свою точку зрения. Времена лысенковщины, панове, прошли.

Беседу вел
Виталий РОМАНОВ.

От редакции. Когда интервью уже было готово к печати, стало известно, что своим решением от 20 августа 1994 года Комиссия Верховного Совета Украины подтвердила полномочия доктора геолого-минералогических наук Валерия Александровича Копейкина в качестве своего эксперта «на проведение работ, связанных с Чернобыльской катастрофой».



Из цикла «Чернобыльская зона». Фото Михаила ЗАГРЕБЫ.